

Значеніе философскихъ наукъ въ системѣ семинарскаго образованія.

Много перемѣнъ въ своихъ уставахъ пережила наша духовная школа. Представителями высшей церковной власти, производившей эти перемѣны, всегда, конечно, руководило искреннее желаніе возможно большей пользы дѣлу русскаго духовнаго просвѣщенія. И уже эта довольно частая ломка уставовъ показываетъ, съ какою бдительностью руководители церковной жизни присматривались къ плодамъ и результатамъ той или иной системы, введенной въ духовныхъ школахъ. Но она же, эта ломка, показываетъ и то, что по сознанію самой власти церковной, производившіяся перемѣны и передѣлки не всегда давали желательные благіе результаты;—сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ служило основаніемъ для новыхъ реформъ. Существующій строй духовнаго образованія, по уставамъ 1884 года, тоже, повидимому, признается въ высшихъ сферахъ не вполне удовлетворительнымъ. Въ газеты уже года два тому назадъ проникло извѣстіе о комисіи изъ высшихъ іерарховъ, занятой пересмотромъ дѣйствующаго семинарскаго устава. А въ сравнительно недавнее время стало извѣстно, что и къ епархіальнымъ архіереямъ разослапы запросы о недостаткахъ и желательныхъ улучшеніяхъ въ системѣ семинарскаго образованія и воспитанія. Надо желать и надѣяться, что перемѣны, если таковыя будутъ произведены, дѣйствительно окажутся къ лучшему. Но погрѣшительность и несовершенство всякихъ вообще человѣческихъ начинаній и предпріятій, сколько бы ни были обогащены опытомъ и дальновидностью ихъ виновники, даетъ достаточный поводъ всякому дорожающему судьбой нашего духовнаго образованія не оставаться апатично-равнодушнымъ къ возможнымъ перемѣнамъ въ послѣднемъ, а по мѣрѣ своего разумѣнія содѣйствовать выясне-

нію тѣхъ или иныхъ его нуждъ и задачъ,—въ надеждѣ, что всякое добросовѣстное и сколько нибудь цѣнное указаніе въ этомъ смыслѣ не пройдетъ незамѣченнымъ къмъ слѣдуетъ. Постоящая замѣтка, не ставя себѣ широкихъ задачъ общаго обсужденія нуждъ нашей духовной школы, ограничивается лишь обсужденіемъ того значенія, какое въ ней имѣютъ науки философскія, которыя наиболѣе дороги и близки автору и о значеніи которыхъ онъ можетъ высказаться съ полнымъ убѣжденіемъ и съ наибольшей увѣренностью. Авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ нужды образованія семинарскаго, въ строѣ котораго есть поводъ ожидать какихъ либо переменъ; но при тѣсной связи средней и высшей школы и при весьма значительной общности ихъ задачъ, само собою понятно, что предлагаемыя ниже разсужденія не могутъ не относиться до нѣкоторой степени и къ нуждамъ академическаго образованія.

Въ Россіи философія составляла исконную принадлежность духовной школы. Посажденная въ Кіевской академіи еще въ концѣ XVI столѣтія, она за 300 лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, настолько срослась съ нашей духовной школой, что послѣдняя безъ нея какъ то даже и немыслима. Всѣмъ еще памятно дѣленіе семинарскаго курса на реторику, философію и богословіе. Поговорите вы съ любимымъ священникомъ,—онъ не безъ гордости отмѣтитъ, какъ отличіе пройденной имъ школы отъ свѣтской, изученіе философій въ семинаріи; и только зачастую пожалѣетъ при этомъ, что учили то плохо... Когда въ 1850 году философія въ университетахъ была уничтожена, посягнуть на нее въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ никто даже и не подумалъ. Не мало дала духовная среда солидныхъ философскихъ писателей. Здѣсь достаточно будетъ напомнить имена Сидонскаго, Голубинскаго, Гогоцкаго, Юркевича, Кудрявцева, архіеп. Никанора, Карпова, Милославскаго, Троицкаго, Каринскаго, Линицкаго, Спегирева, преосв. Хрисанеа и мн. др. Долгое время духовныя школы были единственными разсадниками философскаго образованія въ Россіи, и университетская философія весьма слабо конкурировала съ академической, да и преподавателей то по философій университеты часто брали изъ лицъ съ академическимъ образованіемъ. Только въ послѣднее время разра-

ботка университетской философіи сдѣлала большіе успѣхи. Теперь уже для академій возникаетъ трудная задача не отстать отъ университетовъ. Это благородное соревнованіе, чуждое всякой зависти и вражды, и напротивъ—пропикнутое чувствомъ взаимнаго благожеланія, было бы наилучшимъ залогомъ здороваго роста русскаго просвѣщенія. Академическая философія, въ значительной мѣрѣ окрашенная колоритомъ христіанскаго міровоззрѣнія, и университетская, по необходимости развивающаяся подъ сильнымъ вліяніемъ естественныхъ и культурно-историческихъ наукъ, своимъ взаимодействіемъ и естественнымъ пополненіемъ другъ друга обуславливали бы мирный и чуждый всякой партійной борьбы прогрессъ русской мысли. Печальный примѣръ католичества, враждующаго съ такъ называемой свѣтской наукой и создавшаго нелѣпый призракъ естественнаго антагонизма между наукой и религіей (мысль эта сдѣлалась уже какъ бы врожденнымъ убѣжденіемъ большинства образованныхъ людей на западѣ),—въ высшей степени поучителенъ. Въ Россіи религіозное и свѣтское образованіе никогда серьезно не враждовали другъ съ другомъ,¹⁾ и надо желать, чтобы въ такомъ положеніи дѣло оставалось и впредь. А почти единственной общей почвой, на которой могутъ сойтись дѣятели духовной и свѣтской науки, является философія, въ которой общіе принципы разныхъ спеціальныхъ наукъ подвергаются критической оцѣнкѣ, сопоставляются другъ съ другомъ,—и такимъ образомъ подготавливается матеріалъ для стройнаго и свободно отъ крайностей міровоззрѣнія. И мы дѣйствительно пока видимъ не мало примѣровъ, что философскія сочиненія свѣтскихъ авторовъ печатаются въ духовныхъ журналахъ и наоборотъ; многіе дѣятели духовнаго образованія состоятъ, напримѣръ, членами Московскаго психологическаго общества и т. п. Можно, далѣе, съ увѣренностью утверждать, что пока въ академіяхъ философія будетъ стоять на надложащей высотѣ, ростъ русской философской мысли не будетъ совершаться безъ сильнаго и благотворнаго вліянія духовной школы. Условія преподаванія философіи въ академіяхъ въ одномъ отношеніи гораздо

¹⁾ Причины этого, обусловленныя самой природой православія, отчасти указаны нами въ статьѣ: „Православная догматика и религіозно-философское умозрѣніе“, напечатанной въ „Вѣрѣ и разумѣ“ за 1897 г. въ кч. 16-17.

лучшо, чѣмъ въ университетахъ: студенты академіи приносятъ съ собой изъ семинарій запасъ элементарныхъ свѣдѣній по логикѣ, основаніямъ философіи, психологіи и исторіи философіи, между тѣмъ какъ гимназисты, поступающіе въ университетъ, этихъ свѣдѣній не имѣютъ. — если не считать скудныхъ начатковъ логики, сообщаемыхъ на урокахъ русскаго языка. И мы, конечно, должны очень дорожить этимъ преимуществомъ нашей духовной школы. Философскія науки въ семинаріяхъ и академіяхъ составляютъ главный залогъ возможнаго вліянія церкви на духовную жизнь и міровоззрѣніе образованнаго русскаго общества, въ которомъ, какъ это многократно уже указывалось и въ духовной и свѣтской печати, въ настоящее время замѣчается очень сильный интересъ къ общимъ вопросамъ, — философскимъ, религіознымъ и нравственнымъ.

Намъ, конечно, могутъ сказать: пусть высокій уровень философскаго образованія въ академіяхъ дѣйствительно является въ значительной степени залогомъ здороваго и нормальнаго роста русской мысли; пусть предварительная семинарская подготовка даетъ возможность въ академіяхъ начинать дѣло философскаго преподаванія не съ самыхъ элементовъ; но вѣдь изъ окончившихъ курсы семинаристовъ въ академіи поступаютъ не болѣе 5⁰/₀; нужна ли остальнымъ то 95⁰/₀, въ интересахъ собственно получаемаго ими образованія, та философская подготовка, какую даетъ семинарія? На это мы прежде всего можемъ отвѣтить, что никогда нельзя такъ раздѣлять задачи высшей и средней школы. Если послѣдняя не будетъ готовить къ первой, то и первая не въ состояніи будетъ надлежащимъ образомъ выполнить свои задачи¹⁾. Разсуждая подобнымъ образомъ, пришлось бы многія науки признать излишними въ семинарскомъ курсѣ. Характеръ семинарскаго образованія

1) Печальные примѣры этого мы видимъ на греческомъ и еврейскомъ языкахъ и на связанномъ съ ними изученіи священнаго писанія ветхого и новаго заветовъ. Студенты семинарій являются въ академію съ очень плохими знаніями по греческому языку и, въ большинствѣ случаевъ, съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-бы то ни было знаній по еврейскому языку. Результатомъ этого является невозможность поставить на надлежащую высоту филологическое изслѣдованіе свяд. текста какъ въ первоначальныхъ такъ и въ изданныхъ и текстахъ практическихъ работахъ.

долженъ въ значительной мѣрѣ опредѣляться нуждами академическаго преподаванія. И мы ниже, говоря о желательныхъ улучшеніяхъ въ семинарской постановкѣ философскихъ наукъ, будемъ между прочимъ имѣть въ виду и названныя нужды академическаго преподаванія. Но и помимо того, принимая во вниманіе собственныя задачи семинаріи, надо признать философскія науки въ семинарскомъ курсѣ существенно необходимыми и имѣющими первостепенную важность. Духовная семинарія, по своимъ задачамъ, есть учебное заведеніе смѣшаннаго типа,—отчасти общеобразовательное и отчасти профессиональное. Первостепенную важность философскія науки въ семинаріяхъ имѣютъ какъ съ точки зрѣнія даваемого тамъ общаго образованія, такъ и профессиональнаго.

Общеобразовательныя задачи семинаріи въ уставѣ, дѣйствовавшемъ до 1884 года, были выражены яснѣе, чѣмъ въ уставѣ 1884 года. По старому уставу программа духовныхъ училищъ и четырехъ первыхъ классовъ семинарій вполне соответствовала гимназической программѣ и различалась отъ нея только двумя лишними въ семинарской программѣ предметами,—священнымъ писаніемъ ветхаго завѣта и философіей. Уставъ 1884 года значительно сократилъ преподаваніе древнихъ языковъ и математики, сдѣлалъ обязательными новыя языки, расширилъ нѣсколько преподаваніе русской литературы, ввелъ вновь въ семинаріи библейскую исторію и перенесъ изъ V — VI классовъ въ III и IV нѣкоторые отдѣлы церковной исторіи, гомилетики, литургіи и основнаго богословія. Положеніе философскихъ наукъ существенно не измѣнилось: только вмѣсто обзора философскихъ ученій введено два отдѣльных предмета,—начальныя основанія философіи и краткая исторія философіи; логика и психологія остались на прежнемъ положеніи. Такъ было въ отношеніи къ I — IV классамъ семинаріи. Курсы V и VI классовъ сдѣлался значительно легче. Не вдаваясь здѣсь въ обсужденіе того, насколько полезно такое сокращеніе общеобразовательныхъ программъ и болѣе сильное подчеркиваніе профессиональнаго характера семинарскаго образованія¹⁾,

¹⁾ Для рѣшенія этого вопроса предварительно надо-бы было рѣшить принципиальный вопросъ,—должна-ли духовная школа вообще и исключительно служить цѣлямъ и нуждамъ собственно духовнаго вѣдомства, поставляя

мы должны сказать, что и теперь семинаріи даютъ всетаки еще очень хорошее общее образованіе. Безспорно, что это общее образованіе страдаетъ нѣкоторыми недочетами срав-

необходимый контингентъ бѣлаго и учеваго чернаго духовенства, преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и приходскихъ школъ, миссіонеровъ и т. п., или-же къ этимъ задачамъ совершенно законно можетъ и должна присоединяться другая—дать приличное образованіе дѣтямъ русскаго духовенства, не предупредѣля заранѣе той дороги, какую изберуть себѣ впоследствии ученики. Другими словами, вопросъ здѣсь въ томъ, должны-ли учащіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ непременно служить впоследствии по духовному вѣдомству, или-же задачами духовной школы не исключается подготовка воспитанниковъ и къ другимъ, не духовнымъ профессіямъ, напр., къ поступленію изъ семинаріи въ университетъ, техническій, горный, ветеринарный институты и т. п. Если принять первую часть этой дилеммы, то очевидно, что число учащихся въ семинаріяхъ должно быть приведено въ соотвѣтствіе съ нуждами каждой епархіи, т. е. весьма значительно сокращено, а избытокъ желающихъ учиться дѣтей духовенства долженъ размѣщаться по другимъ, не-духовнымъ школамъ. Общеобразовательныя науки должны тогда преподаваться въ объемѣ, необходимомъ для будущихъ профессій семинаристовъ. Точно также тогда приниматься въ семинарію должны одинаково лица всѣхъ сословій, и вообще семинарія перестаетъ быть школою для дѣтей духовенства. Если же семинарію разсматривать, какъ школу для дѣтей духовенства,—а для этого есть не мало оснований,—то очевидно, что семинарія кромѣ профессионально-образовательныхъ цѣлей должна преслѣдовать и общеобразовательныя, открывая своимъ воспитанникамъ, число которыхъ обыкновенно довольно значительно превышаетъ нужды епархіи, особенно въ центральной Россіи, доступъ и къ другимъ, свѣтскимъ профессіямъ. Изъ упомянутыхъ-же основанийъ смотрѣть на семинарію, не только какъ на школу узко-профессиональную, духовную, а—какъ вообще на учебное заведеніе для дѣтей духовенства, идущихъ главнымъ образомъ на службу по духовному вѣдомству, но могущихъ избирать и другіе пути, мы укажемъ только одно. Духовенство, несущее на своихъ плечахъ бремя религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа, самоотверженно жертвующее свои силы, а зачастую и скудные достатки дѣлу народной школы, выполняющее массу канцелярской работы, нужной для другихъ вѣдомствъ, напр., для министерства внутреннихъ дѣлъ, духовенство, являющееся почти единственнымъ пионеромъ здоровой культуры и образованности среди темныхъ народныхъ массъ, — неужели оно не имѣетъ права разсчитывать на такую виоліѣ законную благодарность, чтобы его собственнымъ дѣтямъ дано было приличное образованіе? Въ бѣдный сельскій (а часто и городскій) священникъ, не говоря уже о дьяконахъ и псаломщикахъ, нигдѣ, кромѣ лешевой духовной школы не можетъ обучить своихъ дѣтей. Ни одно вѣдомство не отказывается притти на помощь своимъ служащимъ въ цѣль образованія ихъ дѣтей. Средства, какія духовное вѣдомство отпускаетъ на образованіе духовнаго юношества, должны прежде всего разсматриваться, какъ помощь ихъ отцамъ. А за-

пительно съ даваемымъ гимназіями, особенно по части древнихъ языковъ и математики. Но за то въ философскихъ наукахъ оно имѣеть весьма завидное преимущество предъ всеми свѣтскими школами.

Чѣмъ измѣряется достоинство общаго образованія?—Мѣрило это, вообще говоря, довольно неопредѣленно и трудно уловимо. „Образованность“, „развитіе“—вотъ два словечка, наиболѣе часто употребляемыя и, пожалуй, весьма понятныя для всякаго „образованнаго“ и „развитаго“ человѣка, но трудно опредѣлимыя со стороны своего конкретнаго значенія. Имъ-то обыкновенно и опредѣляется достоинство общаго образованія: та система лучше, которая дѣлаетъ человѣка болѣе „развитымъ“, болѣе „образованнымъ“. Попробуемъ же однако разобраться въ значеніи этихъ названій. Что образованность и развитіе не пропорціональны количеству спеціальныхъ знаній, которыми владѣеть данный человѣкъ,—это общеизвѣстно. Многіе солидные спеціалисты совершенно заслуженно называются людьми мало развитыми и мало образованными. Нерѣдко даже цѣлыя профессіи, представители которыхъ владѣютъ массою солидныхъ и точныхъ знаній, пользуются такой незавидной репутаціей. Какъ на примѣры, здѣсь обыкновенно указываютъ,—справедливо или нѣтъ, судить не беремся, — на врачей и техникувъ. Съ другой стороны, также общеизвѣстно, что отсутствіе нѣкоторыхъ общеобязательныхъ знаній, при всѣхъ богатыхъ природныхъ дарованіяхъ, которыми можетъ обладать данный человѣкъ, тоже кладетъ пятно малообразованности. Въ чемъ-же секретъ образованности и развитія?

Существуетъ кругъ интересовъ общечеловѣческихъ. Это — вѣчныя вопросы бытія и жизни, вѣчныя загадки человѣчества. Существуетъ кругъ интересовъ, выдвинутый на арену современнаго вниманія исторической жизнью человѣчества. Это — вопросы современной культуры, съ ея острыми и жгуч-

тѣмъ уже, такъ-какъ большинству дѣтей идти по дорогѣ отцовъ, надо заботиться и о сообщеніи духовной школы извѣстнаго профессиональнаго отъиска. Но въ общемъ семинарія должна оставаться школою смѣшаннаго типа, не съуживая своихъ общеобразовательныхъ задачъ. Существованіе вѣзана на семинарію, какъ на школу для дѣтей духовенства, можно видѣть въ практикѣ многихъ епархіальныхъ архіереевъ, затрущавшихъ дотѣмъ въ семинарію иннословныхъ

чими нуждами, радужными надеждами и неосуществимыми утопіями. Съ другой стороны, существуетъ множество интересовъ чисто дѣловыхъ и узко специальныхъ, интересовъ обыденно-житейскихъ и т. п. Послѣднимъ въ большей или меньшей мѣрѣ платитъ дань всякій человѣкъ. Осуществленіе личныхъ жизненныхъ задачъ, достиженіе личнаго счастья и житейскаго благополучія только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ міровыми или крупными культурно-историческими вопросами. Большинству обыкновенныхъ смертныхъ, какое-бы общественное положеніе они ни занимали, приходится дѣлать свое, въ сущности, скромное дѣло такъ, какъ если-бы никакихъ міровыхъ вопросовъ и культурныхъ задачъ даже совсѣмъ не существовало. Конечно, въ общемъ и моя скромная дѣятельность, — адвоката, профессора, врача, священника, инженера, администратора, даже сельскаго хозяина и т. п., — вноситъ извѣстный элементъ въ жизнь цѣлаго человѣчества, стало-быть, имѣетъ такое или иное принципиальное значеніе; но я, безъ всякаго ущерба и для себя и для человѣчества, могу нисколько не сознавать этой принципиальности. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ люди проникнуты такимъ дѣловымъ и трезвымъ настроеніемъ, далеко не всѣ довольствуются тѣмъ узкимъ горизонтомъ, какой очертила для нихъ жизнь. Рѣдкій человѣкъ не создаетъ для себя никакихъ идеаловъ, не старается знакомиться съ жизнью и стремленіями другихъ людей, съ матеріальными и духовными нуждами своей страны и даже цѣлаго человѣчества; рѣдкій человѣкъ ни разу въ жизни не задается общими вопросами о сущности и смыслѣ бытія, не чувствовалъ *Weltschmerz*'а и т. п. Правда, многіе сознательно и намѣренно сократили и ограничили полеты своего духа за предѣлы своего скромнаго жизненнаго горизонта, — одни вслѣдствіе разочарованія, другіе подъ напоромъ житейской прозы и пошлости; но въ общемъ всетаки есть люди, духъ которыхъ не уединенъ въ пустыню эгоизма, воля и чувство не заплутались въ темныхъ лазейкахъ своего муравейника; — есть люди, которые сознаютъ себя членами великаго человѣчества, для которыхъ солнце науки и знанія свѣтитъ не только сквозь узкое окошко ихъ специальности. Вотъ такихъ-то людей мы и называемъ людьми развитыми.

Эти люди имѣютъ то, что называется міровоззрѣніемъ или міросозерцаіемъ. Міровоззрѣніе это можетъ быть неполно, незакончено, заключать въ себѣ много противорѣчій, — пусть такъ, — въ этихъ недостаткахъ міровоззрѣнія будетъ заключаться только гарантія противъ спячки духовной; но за то такой человекъ живетъ истинно человѣческой жизнью, не является каторжникомъ труда и хлѣба насущнаго, мастеровымъ науки или искусства. Итакъ, развитыми мы называемъ такихъ людей, у которыхъ существуютъ духовные запросы, выступающіе изъ рамокъ ихъ обыденно-жизнейскихъ и профессиональныхъ интересовъ, — людей, живущихъ интересами общечеловѣческими и интересами современной культуры. У кого такіе интересы не пробудились или выражены очень слабо, тѣхъ мы называемъ людьми неразвитыми или мало развитыми ¹⁾.

Теперь, что такое образованность? — Подъ образованностью мы разумѣемъ извѣстную сумму разнородныхъ знаній, обуславливающую собою высоту и разносторонность развитія. Безъ всякихъ знаній развитіе невозможно. Слишкомъ однородныя знанія дѣлаютъ развитіе одностороннимъ. Малый запасъ, хотя-бы и разнородныхъ знаній, дѣлаетъ уровень развитія не высокимъ. Односторонне развитого человека мы называемъ мало образованнымъ и иногда даже совсемъ необразованнымъ. На вопросъ, — какія знанія обязательны для образованнаго и развитого человека, — трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Строго говоря, идеальная образованность предполагаетъ самую широкую энциклопедичность знаній. И въ старое время, когда науки не специализировались до такой степени, какъ теперь, такая энциклопедическая образованность была возможна. Образцомъ ея является извѣстный Лейбницъ. Теперь-же объ энциклопедичности образованія можно мечтать только въ очень относительномъ смыслѣ. Теперь для образованнаго человека считаются обязательными только элементарныя свѣдѣнія по всемъ наукамъ, не преслѣдующимъ слишкомъ специальныхъ или узко-профессиональныхъ задачъ, и сверхъ того — болѣе

¹⁾ Къ этому разряду мало развитыхъ людей, само собою понятно, не принадлежатъ тѣ, которые сознательно отъсклались отъ высшихъ интересовъ, хотя и способны ихъ понимать.

близкое и точное знакомство со всѣмъ, что характеризуетъ или обуславливаетъ умственные, нравственные, религіозныя и общественно-экономическія теченія современности. Кругъ этихъ послѣднихъ знаній весьма неопредѣленъ и измѣнчивъ, какъ измѣнчивы и самые преобладающіе интересы каждаго давняго времени. Но всякій образованный человѣкъ, который обязательно слѣдитъ за новостями отечественной и иностранной литературы, — какъ изящной, такъ и другихъ отраслей, — быстро самъ пойметъ, съ чѣмъ ему въ данное время слѣдуетъ ближе познакомиться.

Обращаясь къ задачамъ общаго школьнаго образованія, мы теперь безъ труда поймемъ, чего надо отъ него требовать. Очевидно, оно должно пробудить духовные запросы воспитанника и, если не сообщить ему готовое міровоззрѣніе, то вызвать стремленіе къ нему, сознаніе его необходимости для истинно человѣческой жизни. Оно должно, затѣмъ, сообщить ученику формальныя средства ориентироваться какъ въ научныхъ вопросахъ, такъ и вообще въ сложныхъ явленіяхъ умственной, религіозно-нравственной и спеціально-экономической жизни, должно дисциплинировать его умъ и выработать навыкъ къ умственной работѣ. Оно должно, наконецъ, сообщить ученику возможно разнородный запасъ элементарныхъ свѣдѣній по важнѣйшимъ наукамъ и тѣмъ дать ему возможность какъ заняться соціальнымъ изученіемъ той или иной избранной научной области (въ высшемъ учебномъ заведеніи), такъ равно и самостоятельно пополнять свои свѣдѣнія, сообразно съ своими умственными запросами и съ преобладающими теченіями въ духовной жизни человѣчества. Изъ существующихъ у насъ въ Россіи среднихъ школъ ни одна, въ сущности, не удовлетворяетъ указанному идеалу общеобразовательной школы, а только болѣе или менѣе къ нему приближается. Что касается духовныхъ семинарій, то только уже при хорошей и разумной постановкѣ преподаванія въ нихъ общеобразовательныхъ предметовъ, одинаковыхъ съ гимназіями, — исторія, словесности съ литературой, математики съ физикой и языковъ, древнихъ и новыхъ, — опѣ стояли-бы нисколько не хуже гимназій.

Но сколь ни важны для развитія учащихся общеобразовательные предметы, всѣ они, въ сущности, только подго-

товляютъ почву для попытокъ осмысленнаго рѣшенія разныхъ вопросовъ бытія и жизни; да и эта-то цѣль достигается лишь въ лучшемъ случаѣ, при ясномъ сознаниіи каждымъ преподавателемъ той общей задачи, какой долженъ служить его предметъ. Безъ нарочитаго руководства, на этой почвѣ можетъ ничего не произрасти, и пробужденная пытливость духа можетъ или совсѣмъ остаться неудовлетворенной, или повести ученика на разные ложные пути, подчинить его случайнымъ авторитетамъ. И мы на примѣрахъ гимназистовъ нерѣдко видимъ, какую замѣчательную невинность духа проявляютъ эти юнцы, удостоенные аттестата зрѣлости, какимъ несюченнымъ оказывается въ ихъ головахъ усвоенный ими разнообразный и обширный учебный матеріалъ; высказываемыя ими самостоятельныя мысли нерѣдко поражаютъ своей наивностью; а нерѣдко встречаемся мы и съ положительной неспособностью къ самостоятельному мышленію. Поступить такой юноша въ университетъ, — и, пренебрегая иногда тамъ прямымъ своимъ дѣломъ, начнетъ философствовать, рѣшать разные вопросы, увлекаться модными теоріями, — а въ результатѣ молодой, незрѣлый и неподготовленный къ этому умъ оказывается заполоненнымъ самыми фантастическими построениями. Нельзя, конечно, въ этихъ случаяхъ строго осуждать увлекающуюся молодежь; отсутствіе искреннихъ увлеченій и даже заблужденій часто есть признакъ умственной ограниченности. Но необходимо пожалѣть, что это юношество еще въ средней школѣ не получило нѣкоторой выправки умственной, которая бы гарантировала его отъ некритичнаго отношенія къ философскимъ теоріямъ и отъ легковѣрнаго увлеченія авторитетами. Такую умственную выправку молодому человѣку можетъ дать только изученіе философскихъ наукъ. Вѣдь всякая модная теорія, — будь то чисто философская или социально-экономическая, — которая увлекаетъ молодые умы, всегда имѣетъ свою исторію, своихъ, такъ сказать, идейныхъ предковъ въ тѣхъ или иныхъ доктринахъ прошлаго; всегда, затѣмъ, она тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ одному порядку явленій въ современной умственной жизни и становится въ отрицательное отношеніе къ другому. Незнаніе этихъ отношеній теоріи къ прошлому и настоящему порождаетъ нѣкотораго рода умственную близорукость, не-

способность понять и оцѣнить истинное значеніе теоріи. Часто простая справка съ исторіей открываетъ такое невысокое и даже компрометирующее происхожденіе доктрины, что исключается всякая необходимость серьезно считаться съ этимъ отпрыскомъ пережитыхъ иллюзій, переряженныхъ только въ одежду современной науки ¹⁾. Недостаточное знакомство съ исторіей идей всегда порождаетъ неосновательныя увлеченія ²⁾. Точно также умѣние классифицировать

¹⁾ Припоминается вамъ здѣсь изъ личнаго опыта одинъ примѣръ. Однажды намъ въ руки попала подпольнаго изданія брошюрка Энгельса по рабочему вопросу, вызывавшая большой энтузіазмъ читателей изъ университетской молодежи. Читаемъ—и что-же?—авторъ съ англобюмъ аргументируетъ тезисами Гегелевской философіи, а христіанство побиваетъ Штраусомъ и Бауромъ!... Такъ можетъ и старый хламъ сойти за серьезное оружіе.

²⁾ „Недостатокъ историческаго пониманія, говорить извѣстный Альбертъ Лянге, прерываетъ нить прогресса вообще: мелкія точки зрѣнія овладѣваютъ ходомъ изслѣдованій, къ низкой оцѣнкѣ прошедшаго присоединяется филистерское преувеличеніе настоящаго состоянія наукъ, при которомъ ходячія гипотезы принимаются за аксіомы и слѣбныя преданія считаются за результаты изслѣдованія. Исторія и критика часто одно и то-же. Многочисленные медики, которые принимаютъ еще семимѣсячный плодъ за болѣе способный къ жизни, чѣмъ восьмимѣсячный, считаютъ это по большей части за фактъ опыта. Если источникъ этого взгляда открытъ въ астрологіи, и мы достаточно просвѣщены, чтобы сомнѣваться въ смертоносной силѣ Сатурна, то будемъ сомнѣваться также и въ мнимомъ фактѣ. (По правиламъ астрологіи седьмымъ мѣсяцемъ управляетъ двусмысленная луна, восьмымъ губительный Сатурнъ, девятымъ Юпитеръ, звѣзда счастья и совершенства. Въслѣдствіе этого считали, что родившемуся подъ вплиемъ Сатурна грозятъ гораздо болшія опасности, нежели родившемуся подъ вплиемъ луны). —Кто не знаетъ исторіи, будетъ принимать изъ принятыхъ медикаментовъ за полезныя всѣ тѣ, относительно которыхъ противоположное прямо не доказано новыми изслѣдованіями. Но кто хоть разъ видѣлъ рецептъ 16-го или 17-го столѣтія и при этомъ обдумалъ, что люди и нослѣ этихъ ужасныхъ и безмысленныхъ композицій также поправлялись, тотъ перестанетъ довѣрять вульгарному „опыту“ и на оборотъ будетъ довѣрять только тѣмъ строго органичнымъ дѣйствіямъ какаго либо лекарства или яда, которыя доказаны самыми старательными новыми изслѣдованіями точной науки. —Незнаніе исторіи науки способствовало тому, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назатъ начали „элементы“ новѣйшей химіи принимать уже за окончательно установленныя въ главныхъ чертахъ, тогда какъ въ настоящее время все яснѣе и яснѣе, что не только предстоитъ открыть нѣкоторые новые элементы, а другіе можетъ быть, разложить, но что вообще все повяте элемента есть только провизорное и вспомогательное“.

А. Ланге, Исторія матеріализма въ русск. пер Н. И. Страхова. т II

явленіе въ разрядъ однородныхъ или подобныхъ ему чрезвычайно много помогаетъ его оцѣнкѣ. Нерѣдко человѣкъ съ наеосомъ развиваетъ извѣстный взглядъ, какъ послѣднее слово науки, вычитанное имъ въ какой-нибудь новой книжкѣ или статьѣ; но стоитъ только ему сказать, что этотъ взглядъ не единственный изъ существующихъ въ наукѣ, что другія борющіяся съ нимъ воззрѣнія не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ уже энтузіазмъ нашего пропагандиста значительно остываетъ. Вообще, хорошее знакомство съ исторіей философіи и съ типами господствующихъ современныхъ философскихъ и научныхъ воззрѣній по разнымъ вопросамъ міросозерцанія является самымъ лучшимъ и необходимымъ пополненіемъ или даже вѣнцомъ общаго образованія. Оно только можетъ серьезно помочь молодому образованному человѣку ориентироваться въ умственныхъ теченіяхъ современности, критически разобратся въ нихъ и не поддаться слѣпому увлеченію авторитетомъ. Вотъ въ этомъ-то отношеніи и стоятъ несравненно выше гимназій наши духовныя семинаріи, гдѣ вмѣстѣ съ прочими общеобразовательными предметами преподаются и философскія науки.

Кругъ философскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи,—логика, начальныя основанія философіи, краткая исторія философіи и психологія, — не касаясь пока теперешней ихъ постановки, о чемъ у насъ рѣчь еще впереди, можно признать почти достаточнымъ. Изученіе логики въ качествѣ особаго предмета, да еще сопровождаемое практическими упражненіями въ составленіи примѣровъ и схемъ, въ рѣшеніи логическихъ задачъ, въ разборѣ доказательствъ и опредѣленій, въ анализѣ софизмовъ и т. п., должно приучить учащагося вникать въ процессъ раскрытія той или иной предлагаемой ему мысли, въ ея высказываемыя послышки, скрытыя предположенія и отдаленныя слѣдствія. Человѣкъ, нарочито изучавшій логику, скорѣе замѣтитъ методологическіе недочеты любой теоріи, равно какъ и самъ скорѣе и вѣрнѣе сьумѣетъ взяться за сложную умственную работу, не растеряется и не станетъ втупикъ предъ даннымъ ему вопросомъ, не зная, съ какой стороны приступить къ этому вопросу. Такая подготовка много поможетъ человѣку при выработкѣ собствен-

наго міровоззрѣнія. И хотя-бы послѣднее было даже несамостоятельнымъ, а заимствованнымъ или эклектическимъ, все-таки оно будетъ болѣе продумано и разносторонне взвѣшено, чѣмъ у человѣка, не штудировавшаго логики. Намъ нерѣдко приходилось, бесѣдуя съ людьми такъ называемаго здраваго смысла, просто удивляться тѣмъ энтимемамъ, по какимъ они умозаключаютъ, той нечувствительности къ противорѣчіямъ и тому непониманію отдаленныхъ слѣдствій изъ принимаемыхъ ими положеній, какія допускаютъ эти въ общемъ довольно образованные и даже развитые люди. Начальныя основанія философіи, раскрывая предъ учащимся систему вопросовъ, образующихъ цѣльное міровоззрѣніе, давая критическій разборъ различныхъ рѣшеній этихъ вопросовъ различными мыслителями и предлагая положительные отвѣты на нихъ, полезны для учащихся въ весьма многихъ отношеніяхъ: прежде всего, для пытливости всѣхъ безъ различія молодыхъ умовъ здѣсь намѣчаются перспективы изслѣдованій во всей возможной широтѣ, идея всеобъемлющаго философскаго міро-и-жизнеистолкованія невольно манитъ испробовать свои силы, и кто хоть разъ почувствовалъ заманчивую прелесть такой задачи и ея истинный объемъ, тотъ ужъ навсегда застрахованъ отъ одностороннихъ увлеченій и преувеличенной оцѣнки извѣстнаго небольшого круга вопросовъ; затѣмъ, для умовъ не очень сильныхъ дается готовое міровоззрѣніе, которое, бывъ сознательно усвоено, замѣнитъ имъ непосильную для нихъ самостоятельную работу мысли и дастъ начала для разумной оцѣнки дѣйствительности и разныхъ жизненныхъ и философскихъ теорій, сдѣластъ ихъ не-безотвѣтными при столкновеніи съ псевдонаучнымъ самооптѣніемъ; наконецъ, для болѣе сильныхъ умовъ, неспособныхъ удовлетвориться чужимъ міровоззрѣніемъ, предлагаемое рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ важно, какъ временный базисъ;—впослѣдствіи они могутъ шагъ за шагомъ видоизмѣнять и передѣлывать усвоенное, сообразно съ особенностями своего духовнаго склада;—вѣдь доселѣ ни одинъ еще кружный философъ не начиналъ прямо съ построенія собственной системы, а непремѣнно оставался нѣкоторое,—иногда довольно долгое,—время чѣмъ-либо ученикомъ и послѣдователемъ. Исторія философіи, знакомя учащихся съ вели-

кими системами прошлаго времени, съ условіями ихъ разцвѣта и паденія, пріучаетъ умъ къ трезвой объективности, гарантируетъ его отъ ослѣпленія блестящими успѣхами современныхъ доктринъ и отъ склонности считать непогрѣшимыми какія-бы то ни было человѣческія мнѣнія; вообще, ничто такъ не воспитываетъ здраваго критицизма, какъ изученіе исторіи философіи. Но, съ другой стороны, исторія же философіи воспитываетъ и уваженіе къ философскимъ задачамъ, показывая, что для каждой эпохи ея выдающіеся философы были людьми болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ ученые спеціалисты и люди обыденнаго или здраваго смысла; въ самой борьбѣ и смѣнѣ философскихъ ученій наблюдательный умственный взоръ увидитъ не беспорядочное круговращеніе, а постепенное и довольно закономѣрное приближеніе къ истинѣ, выясненіе разныхъ ея сторонъ; при всемъ разнообразіи и противоборствѣ системъ, въ ихъ исторической преемственности и взаимоотношеніяхъ можно подмѣтить осуществленіе нѣкоторыхъ тенденцій, имѣющихъ весьма большое положительное значеніе для выработки нашего міровоззрѣнія. Далѣе, исторія философіи, выяснивъ учащемуся образованіе современныхъ философскихъ направленій и партій, ставитъ его au courant новѣйшихъ работъ по философіи и даетъ возможность, съ одной стороны, надлежащимъ образомъ понять ихъ значеніе, а съ другой, — лучше намѣтить направленіе собственныхъ изысканій. Правда, оканчивающимъ курсъ въ средней школѣ рѣдко приходится самостоятельно философствовать; но за то весьма нерѣдко придется имъ встрѣчаться съ пропагандой тѣхъ или иныхъ философскихъ идей; — вотъ въ этихъ-то случаяхъ знаніе исторіи философіи и исторіи образованія современныхъ философскихъ направленій и окажетъ имъ ту громадную услугу, о какой говорили мы выше. Вообще, безъ изученія исторіи философіи въ настоящее время всякое серьезное образованіе должно считаться неполнымъ. Последняя изъ названныхъ выше философскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, — психологія, — едва ли даже и нуждается въ разъясненіи своего значенія. Важность ея настолько бесспорна, что даже въ гимназіяхъ, гдѣ нѣтъ философскихъ наукъ въ качествѣ особыхъ предметовъ, учителю русскаго языка вмѣняется въ обязанность при изложеніи нѣкоторыхъ

самыхъ элементарныхъ началъ логики сообщать также и общія психологическія понятія, Дѣйствительно, со времени Сократовскаго *γινῶσι σεαυτόν* никто не рѣшался отрицать, что самопознаніе, познаніе законовъ человѣческаго духа, видовъ и условій его дѣятельности, составляетъ не только самую существенную часть цѣльнаго и разумнаго міровоззрѣнія, но и первѣйшее условіе для правильной постановки и рѣшенія большинства философскихъ проблемъ. Ни правильное пониманіе литературныхъ типовъ, ни оцѣнка нравственныхъ, религіозныхъ и другихъ идеаловъ невозможны безъ психологіи.

Кругъ философскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, какъ видимъ, не только даетъ формальную подготовку мысли для встрѣчи и оцѣнки разныхъ міровоззрѣній и частныхъ доктринъ, съ какими неизбѣжно приходится сталкиваться въ жизни всякому образованному человѣку нашего времени, а равно и для опытовъ самостоятельнаго изслѣдованія и рѣшенія разныхъ болѣе или менѣе сложныхъ вопросовъ знанія и жизни (въ логикѣ), не только знакомить съ исторически извѣстными философскими системами, съ современными философскими направленіями и ихъ сравнительнымъ значеніемъ, знакомить съ фактическимъ положеніемъ дѣла по выработкѣ міровоззрѣнія (въ исторіи философіи), но и облегчаютъ самую критику разнообразныхъ ученій, систематически разбирая мнѣнія философовъ по всеѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, предлагаетъ наиболѣе доступное и наиболѣе распространенное рѣшеніе этихъ вопросовъ (въ начальныхъ основаніяхъ философіи) и даетъ запасъ положительныхъ научно разработанныхъ свѣдѣній о законахъ духовной жизни, управляющихъ и познавательными процессами, и дѣятельностью чувства, и выработкой идеаловъ (въ психологіи). Воспитанникъ, вооруженный такими знаніями, — вступитъ-ли онъ прямо въ жизнь, или будетъ продолжать образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, — во всякомъ случаѣ оказывается человѣкомъ болѣе развитымъ и образованнымъ, чѣмъ гимназистъ или реалистъ, способнымъ болѣе сознательно и критически отнестись къ умственнымъ, нравственнымъ и религіознымъ теченіямъ современной жизни, болѣе подготовленнымъ къ самостоятельному умственному труду. Такой человѣкъ, — если только не погрязнетъ въ жи-

тейскихъ заботахъ и не ополитя, — способенъ стоять въ ряду передовыхъ членовъ образованнаго общества, а при благоприятныхъ условіяхъ и стать его духовно-нравственнымъ руководителемъ. Здѣсь мы прямо подходимъ къ значенію философскихъ наукъ для профессионально-образовательныхъ задачахъ духовной семинаріи.

Задача семинаріи, какъ спеціальной школы, состоитъ, прежде всего, къ подготовкѣ просвѣщенныхъ служителей церкви на поприщѣ пастырской дѣятельности. Сюда-же присоединяется и задача служить дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа въ духѣ православной церкви. А поскольку задачи семинаріи оказываются общими съ задачами духовныхъ академій, и поскольку комплектъ академическихъ студентовъ набирается главнымъ образомъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, постольку семинарія, очевидно, должна преслѣдовать и цѣль подготовки къ академіи. Успѣшное достиженіе всѣхъ этихъ задачъ безъ основательнаго изученія философіи было-бы невозможно.

Священникъ, — духовно-нравственный руководитель своей паствы, — конечно, долженъ быть прежде всего человѣкомъ богословски образованнымъ и способнымъ удовлетворять религіознымъ потребностямъ пасомыхъ. Цѣлямъ богословскаго образованія будущихъ пастырей церкви и служить преподаваемыя въ семинаріи многочисленныя богословскія науки. Но кромѣ удовлетворенія собственно религіозныхъ нуждъ отъ пастыря требуется многое, для чего одного богословскаго образованія недостаточно; да и самое богословское образованіе было-бы недостаточно глубоко и основательно, а равно служеніе чисто религіознымъ интересамъ было-бы сильно затруднено безъ хорошаго общаго образованія и развитія. Духовный центръ прихода, который, по слову Спасителя, есть „свѣтъ міра“ и „соль земли“ (Мѡ. 5, 13—14) — священникъ, строго говоря, долженъ-бы быть самымъ образованнымъ и ученымъ человѣкомъ въ приходѣ, авторитетнымъ источникомъ просвѣщенія для всей паствы. Въ древней Руси такъ и было, — тамъ духовенство было самымъ ученымъ сословіемъ и единственнымъ хранителемъ просвѣщенія. Но если широкое распространеніе образованія въ современномъ обществѣ и дѣлаетъ этотъ идеаль неосуще-

ствимымъ во всей полнотѣ, то всетаки стремленіе и возможное приближеніе къ нему остаются обязательными для духовенства. Въ средѣ деревенскаго населенія, впрочемъ, этотъ идеаль и въ настоящее время осуществимъ и осуществляется. А вообще-то говоря, для пастыря церкви вполне возможно и обязательно быть человѣкомъ разносторонне образованнымъ и высоко развитымъ, способнымъ слѣдить за всѣми духовными интересами своего времени и отзываться на самые разнообразныя духовныя запросы и нужды, „всѣмъ быть вся“ по апостолу Павлу (1 Кор. 9, 22). Въ этомъ—условіе его благотворнаго вліянія на жизнь. Можно, конечно, и не выходя изъ рамокъ богослужебной и требоисправительной дѣятельности, приносить большую пользу духовную; но это—уже особый даръ благодати Божіей. Условія-же обыкновеннаго пастырскаго воздѣйствія, помимо силы и теплоты вѣры, состоятъ въ способности понять и симпатически пережить со всякой больной душой терзающія ее муки и найти подходящее врачеваніе отъ нихъ, въ умѣнни каждому во прошающему дать основательный отвѣтъ о своемъ упованіи, — защитить вѣру и церковь отъ нападений новѣрія, утвердить колеблющагося, наставить сомнѣвающагося, — и вообще въ томъ, чтобы дѣйствительно стать отцомъ для своихъ духовныхъ дѣтей, самымъ близкимъ, довѣреннымъ и авторитетнымъ для нихъ человѣкомъ. Требования эти общезвѣстны. Но если вдуматься въ ихъ содержаніе и истинный смыслъ, то они и будутъ значить, какъ мы сказали, то, что священникъ долженъ быть разносторонне и основательно образованной и высоко развитой личностью. Сколько разныхъ вліяній, — научныхъ, соціальныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, — сколько разнообразныхъ до противоположности міровоззрѣній, — матеріализмъ и идеализмъ, оптимизмъ и пессимизмъ, раціонализмъ и наивное легковѣріе и т. д., — сколько уродствъ духовныхъ предстанетъ предъ пастыремъ, съ требованіемъ немедленнаго воздѣйствія, и предстанетъ не въ видѣ отвлеченнаго представленія, какъ большинству обыкновенныхъ людей, знакомящихся съ этими явленіями по книгамъ, а въ видѣ живыхъ, чувствующихъ личностей, — страдающихъ или самодовольныхъ, но въ обоихъ случаяхъ требующихъ врачеванія! Вотъ когда

обязанность пастыря „всѣмъ быть вся“ проявляется для насъ во всемъ своемъ реальномъ значеніи. Очевидно, что отъ пастыря требуется такая тонкая чуткость и до виртуозности доведенная подвижность духа, — способность войти въ рамки любого міровоззрѣнія и настроенія, понять ихъ корни и затѣмъ все направить къ торжеству христіанской вѣры, —какая никогда не можетъ быть пріобрѣтена однимъ опытомъ духовнымъ. Необходимость для пастыря солиднаго и разносторонняго образованія вообще и философскаго въ частности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Иначе онъ никогда не сможетъ быть ни солью земли, ни свѣтомъ міра, онъ, вопреки притчѣ евангельской (Іоан. 10, 4), можетъ оказаться позади своихъ овецъ. И это въ особенности надо сказать о пастыряхъ, которымъ приходится дѣйствовать среди интеллигенціи. Вѣтры всевозможныхъ ученій такъ широко разносятъ антихристіанскую заразу, что теперь уже и средне-образованные классы нуждаются въ охраненіи ихъ вѣры. А при замѣчаемомъ въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ усиленіи интереса къ философіи и при широкомъ распространеніи философскихъ знаній въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ, необходимо, чтобы пастырь церкви въ этой области знанія чувствовалъ себя какъ дома. Духовенство не должно терять своей старинной репутаціи философскаго сословія.

Обращаясь къ частнѣйшимъ сторонамъ пастырской дѣятельности, мы должны сказать, что всякій ревностный пастырь, вѣроятно, не разъ имѣетъ поводы съ благодарностью вспоминать полученное имъ въ духовной школѣ философское образованіе. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить важность изученія психологіи. Если самая пастырская дѣятельность обыкновенно опредѣляется, какъ „душепопечение“, и дѣлится на діагностику и терапевтику немощей духовныхъ, то что же для священника можетъ быть важнѣе познанія законовъ душевной дѣятельности? Конечно, школьное изученіе психологіи не дастъ пастырю средствъ вполне понять все разнообразіе и сложность движеній живой души; — такое знаніе пріобрѣтается только опытомъ; но школьное изученіе облегчаетъ самый опытъ пастырскій, давая полезныя методологическія указанія для анализа душевныхъ явленій, рубрики — для классификаціи изученнаго матеріала,

подсказывая нѣкоторыя трудныя обобщенія, наводя на мысль о разницѣ явленій, на первый взглядъ кажущихся сходными, и наоборотъ, знакомя съ литературой нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ психологическихъ, могущихъ встрѣтаться въ пастырской практикѣ и т. п. Вообще, священникъ по самому роду своей дѣятельности, есть психологъ-практикъ *κατ' ἐξοχήν*, и только надо жалѣть, что богатый духовный опытъ многихъ замѣчательныхъ пастырей уносится съ ними въ могилу, не обнаруженный въ назиданіе потомству и на пользу науки. Не менѣе важна психологія для пастыря, и какъ дѣятеля по народному образованію. Что педагогика и дидактика должны всецѣло основываться на данныхъ психологіи, это общеизвѣстно. Любое педагогическое руководство для правильной своей оцѣнки потребуетъ отъ читателя большого запаса психологическихъ знаній. Извѣстная школьная система никогда не опредѣляется однимъ педагогическимъ опытомъ, а непременно — и психологическими данными. На учительскихъ сѣздахъ, въ училищныхъ совѣтахъ, гдѣ представители духовенства имѣютъ свой голосъ, раскрытіе многихъ вопросовъ неизбѣжно приходится обставлять психологической аргументаціей. Не забудемъ, затѣмъ, обильную психологическую литературу по вопросамъ весьма близкимъ къ педагогикѣ; — священникъ непременно обязанъ за нею слѣдить, чтобы оставаться, въ качествѣ педагога, на высотѣ положенія и не вызывать упрековъ въ отсталости и невѣжествѣ. А безъ школьной подготовки слѣдить за научной литературой весьма не легко.

Литературно-публицистическая дѣятельность духовенства развита у насъ довольно слабо, но есть основанія ожидать и желать ея большаго развитія, — могучее оружіе печатнаго слова должно быть доступно и знакомо пастырю. Но быть хорошимъ публицистомъ безъ солиднаго общаго и философскаго образованія, — особенно отстаивать религіозно-нравственные и церковныя интересы, — невозможно. Свѣтская популяризація всевозможныхъ знаній и доктринъ все растетъ; и ведется она въ направленіи, не всегда согласномъ съ интересами церкви. Если наше духовенство не противопоставитъ ей популяризаціи богословскихъ знаній, защиты церковныхъ интересовъ и опроверженія антирелигіозныхъ и антихристіанскихъ доктринъ, то оно весьма легко

можетъ упустить изъ своихъ рукъ духовное водительство русскаго общества. Мы уже говорили выше, насколько важно, даже съ точки зрѣнія общаго образованія, для правильнаго пониманія и оцѣнки разныхъ умственныхъ теченій современности хорошее знакомство съ исторіей философіи и съ типами современныхъ философскихъ направленій. Для того-же, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, эта философская подготовка еще важнѣе.

Мы сказали раньше, что безъ философскихъ наукъ и самое богословское образованіе, получаемое будущими пастырями въ семинаріи, было-бы недостаточно глубоко и основательно. Дѣйствительно, многія богословскія науки не могли-бы быть хорошо усвоены безъ знанія философіи. Такъ называемое введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ или основное богословіе положительно немислимо безъ знанія исторіи философіи. Различныя натуралистическія и раціоналистическія объясненія происхожденія религіи, деизмъ, пантеизмъ и теизмъ, какъ типы ученій объ отношеніи Бога къ міру, отрицательная и раціоналистическая критика священнаго текста ветхаго и новаго завѣта и многое другое— въ какомъ уродливомъ свѣтѣ представлялись-бы они ученику и какъ мало были-бы понятны безъ знакомства съ историческими условіями ихъ возникновенія и распространенія! Самая критика отрицательныхъ мнѣній и положительное обоснованіе истины были-бы значительно затруднены безъ предварительнаго изученія основаній философіи и отчасти психологіи. По опыту многихъ семинарскихъ преподавателей основнаго богословія показывается, что ученики IV класса, гдѣ начинается преподаваніе этой науки,—одновременно съ философіей,—съ большимъ трудомъ усваиваютъ содержаніе уроковъ, чѣмъ въ прежнее время, до 1884 года, когда основное богословіе преподавалось въ V классѣ, стало быть, уже послѣ изученія философіи. Методологія разныхъ богословскихъ наукъ была-бы невозможна безъ основательнаго знакомства съ логикой. Изученіе церковной исторіи, въ особенности древней, прямо невозможно безъ знанія греческой философіи. И теперь преподаватели церковной исторіи въ семинаріяхъ нерѣдко жалуются на то, что ученики III класса, не изучавшіе еще философіи, не понимаютъ изъ церковной исторіи многихъ отдѣловъ,

напр., о ересьяхъ и расколахъ первыхъ вѣковъ, о церковномъ просвѣщеніи и литературѣ, о борьбѣ съ языческой наукой и т. п. Да и въ новой церковной исторіи средне-вѣковая борьба номинализма и реализма, возникновеніе многихъ протестантскихъ ученій и сектъ и т. п. безъ знанія исторіи философіи будутъ непонятны. Само догматическое богословіе свои такъ называемыя соображенія здраваго разума должно-бы было въ значительной мѣрѣ уродовать, упрощая и приспособляя ихъ къ уровню развитія учениковъ, не изучавшихъ философіи, а историческія ссылки и справки пришлось-бы сильно ограничивать. Можно не обинуясь утверждать, что семинаристъ, не изучавшій философіи, былъ-бы въ состояннн читать далеко не всякую богословскую книгу и, напр., догматику Сильвестра онъ уже не могъ-бы какъ слѣдуетъ понять. А такіе отдѣлы догматическаго богословія, какъ ученіе о церкви, о благодати, о таинствахъ, о спасеніи и под., требующіе тонкаго и глубокаго анализа, не могли-бы быть надлежащимъ образомъ раскрыты предъ учениками, не изучившими основательно логики, психологіи и исторіи философіи.

Средніе вѣка выработали формулу: „*philosophia est ancilla theologiae*“. Формула эта, въ общемъ ложная, стувившая средне-вѣковую философію и въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ много повредившая католическому богословію, справедлива однако въ томъ отношеніи, что указываетъ на тѣснѣйшую сопринадлежность богословскихъ и философскихъ наукъ. Основательное изученіе первыхъ невозможно безъ послѣднихъ. Философія—не служанка, но необходимая союзница богословія. Только въ союзѣ съ философіей богословіе можетъ занимать подобающее ему мѣсто въ ареопагѣ наукъ и пользоваться правомъ голоса. Иначе оно само осудить себя на ту почетную ссылку, какую выдумалъ для него извѣстной Бэконъ, утверждавшій высокую важность и непогрѣшимость богооткровенной истины, но отрицавшій за богословіемъ всякое право вмѣшиваться въ научное рѣшеніе какихъ-бы то ни было вопросовъ міровоззрѣнія. Задача философіи и богословія въ сущности одна и та-же,—сообщить человѣку истинное міровоззрѣніе, помочь ему установить свои отношенія къ Богу, міру и человечеству и дать твердыя и истинныя правила поведенія.

Только философія стремится разрѣшить эту задачу средствами естественнаго разума, а богословіе черпаетъ свое содержаніе изъ сверхъестественнаго божественнаго откровенія. Но откровенная истина только тогда можетъ быть хорошо усвоена и оказать благотворное вліяніе на духъ, когда она будетъ въ полной гармоніи съ лучшими естественными убѣжденіями человѣка. Иначе непремѣнно начнется въ душѣ разладъ, весьма вредный для дѣла самой религіи. Если бы философія въ одинъ прекрасный день совершенно исчезла съ лица земли, то и тогда отсутствіе ея во многомъ-бы затруднило плодотворную разработку богословія; но тогда все-таки еще можно бы было, съ нѣкоторыми ограниченіями, говорить о самодостаточности богословія; теперь же, когда стремленіе къ философскому міровоззрѣнію или, по крайней мѣрѣ, къ философскому освѣщенію главнѣйшихъ вопросовъ знанія и жизни сдѣлалось непремѣнной принадлежностью всякаго серьезно образованнаго человѣка, разрывъ нашего богословія съ философіей былъ бы крайне для него вреденъ. Языкъ богослововъ сдѣлался-бы мало понятенъ уму образованныхъ людей, кредитъ богословской науки сталъ бы падать больше и больше, вліяніе религіи на образованные классы ослабѣло-бы, и наша церковь тогда силою обстоятельствъ неволью была-бы поставлена на путь отрицанія всякаго значенія за свѣтской культурой и образованностью, т. е. на путь обскурантизма. А насколько опасенъ такой путь, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ исторія римской церкви XVI столѣтія...

Русская церковь, равно какъ и вообще православный востокъ, никогда не знала и вообще не испытывала вражды съ такъ пазываемой свѣтской наукой. Съ одной стороны, это объясняется свойствами православія, способнаго пѣнить истину ради ея самой, откуда бы она ни приходила, и чуждаго тѣхъ деспотическихъ замашекъ и той исключительности, какими зарекомендовала себя церковь католическая, съ другой же стороны, это зависѣло отъ того, что философское образованіе, представители котораго, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, всегда образуютъ духовную аристократію общества, у насъ обыкновенно шло объ руку съ богословскимъ и даже долгое время было исключительной принадлежностью духовныхъ школъ. II надо признать, что

до тѣхъ поръ, пока наши духовныя школы будутъ съ честью держать знамя философскаго просвѣщенія, намъ не суждено испытать этого антагонизма между богословіемъ и наукой. Правда, главная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ духовнымъ академіямъ, питомцы которыхъ призваны научно разработывать философскіе и связанные съ ними богословскіе вопросы; но и семинаріи въ этомъ дѣлѣ принимаютъ весьма почтенное участіе, подготавливая философски образованныхъ, способныхъ стоять на стражѣ церковныхъ интересовъ, пастырей, которые не уронягъ достоинства религіи предъ образованнымъ обществомъ. А затѣмъ и то надо имѣть въ виду, что болѣе или менѣе плодотворная постановка академическаго преподаванія философіи въ значительной степени обусловлена предварительной семинарской подготовкой. Если бы студенты только въ академіи впервые познакомились съ философскими науками, то результаты такого обученія едва ли много превышали бы уровень философскихъ знаній, сообщаемыхъ теперь семинаріей,—и ужъ само собой понятно, что при такихъ условіяхъ кандидаты академіи едва ли могли бы свои сочиненія на первую ученую степень писать по вопросамъ богословско-философскимъ; болѣе или менѣе спеціальныя занятія философіей естественно далеко отодвинулись бы за предѣлы школьнаго времени, между тѣмъ какъ многіе только на студенческой скамьѣ и имѣютъ возможность и достаточныя пособія, чтобы отдаться научнымъ занятіямъ. Предварительная семинарская подготовка даетъ возможность академическимъ преподавателямъ философскихъ наукъ предъявлять къ студентамъ болѣе серьезныя требованія и, не тратя времени на перзоначальное ознакомленіе слушателей съ новой для нихъ наукой, ставить преподаваніе на вполнѣ научную почву. Кандидатъ академіи, избравшій своею спеціальностью философію, обыкновенно бываетъ хорошо знакомъ уже съ классическими произведеніями философской литературы, обладаетъ навыкомъ къ самостоятельной работѣ какъ по части критики, такъ и положительнаго рѣшенія разныхъ философскихъ вопросовъ. Такими благоприятными результатами академія много обязана семинаріи.

Доселѣ, говоря о значеніи философскихъ наукъ въ системѣ семинарскаго образованія, мы не касались фактиче-

ской их постановки въ теперешнихъ семинаріяхъ. Между тѣмъ отъ этой постановки зависитъ весьма многое. Своихъ идеальныхъ цѣлей обыкновенно не достигаетъ преподаваніе ни одной науки въ средней школѣ вообще и, конечно, въ духовной семинаріи въ частности. Неудивительно поэтому, если и въ семинарской постановкѣ преподаванія философіи найдутся нѣкоторые недостатки, исправить которые, разумѣется, не только вполне желательно, но и необходимо въ виду первостепенной важности этого предмета для развитія учащихся. Недостатки эти — двоякаго рода: одни зависятъ отъ внѣшнихъ условій, въ какія поставлено преподаваніе, другіе могли бы быть устранены и при этихъ условіяхъ.

Внѣшнія условія, въ какія поставлено преподаваніе философіи въ семинаріяхъ, нельзя назвать благоприятными: составъ программъ, число учебныхъ часовъ и качество учебниковъ оставляютъ желать не мало лучшаго. Что касается программъ, то болѣе удовлетворительны программы по логикѣ и начальнымъ основаніямъ философіи, наименѣе удовлетворительна программа по исторіи философіи. То же надо сказать и объ учебникахъ. Логика проходитъ обыкновенно по учебнику Свѣтилина, къ которому, повидимому, приурочлена и программа¹⁾. Учебникъ этотъ принадлежитъ къ разряду очень хорошихъ учебниковъ, и имъ слѣдуетъ дорожить. Въ упрекъ ему могутъ быть поставлены только три вещи: не совсѣмъ толковое и вразумительное изложеніе законовъ мышленія, недостаточное вниманіе къ индуктивной логикѣ и малое количество хорошихъ и интересныхъ примѣровъ. Недостатки эти, конечно, могутъ быть исправляемы и восполняемы въ самомъ преподаваніи, тѣмъ болѣе, что хорошихъ пособій по логикѣ какъ для учащихся, такъ и для учащихся на русскомъ языкѣ теперь достаточно; но желательно, чтобы и самый учебникъ былъ исправленъ и дополненъ въ указанномъ смыслѣ. Число уроковъ, назначенныхъ для изученія логики (2 часа въ недѣлю), можно признать достаточнымъ только развѣ для усвоенія учебника да и то не безъ обремененія для учащихся. А такъ какъ

¹⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ употребляютъ вмѣсто него учебникъ Струве, непозволительно краткій. Объ этомъ нельзя искренно не пожалѣть.

изъ этого же числа часовъ надо выгадать время и для изученія введенія въ философію, то можно уже не обвиняя утверждать, что по числу учебныхъ часовъ преподаваніе логики поставлено прямо въ неблагопріятныя условія. Въдѣ ограничиваться однимъ изученіемъ учебника, безъ многочисленныхъ практическихъ работъ, — этого первѣйшаго условія плодотворности изученія¹⁾, — значитъ дѣлать, въ сущности, даже менѣе полдѣла. Поэтому, принимая во вниманіе необходимость въ томъ же классѣ (III) пройти и введеніе въ философію, а также имѣть время и для практическихъ занятій по логикѣ, было бы вполне справедливо увеличить число уроковъ на 2 или ужъ во всякомъ случаѣ на 1. Если въ III классѣ этихъ двухъ уроковъ нельзя будетъ найти, то мы не видимъ никакихъ препятствій начинать изученіе логики, напр., со II класса, гдѣ уроками этого предмета съ гораздо большей пользой для дѣла могли бы быть замѣнены уроки библейской исторіи, которая совершенно не нужна въ семинаріи, при изученіи тамъ священнаго писанія и послѣ довольно пространнаго изученія священной исторіи въ духовномъ училищѣ. Плодотворные результаты такой замѣны не замедлятъ сказаться повышеніемъ уровня развитія семинаристовъ вообще и качества ихъ письменныхъ работъ въ частности. — Основанія философіи проходятся по учебнику Кудрявцева, которому соотвѣтствуетъ и программа. Это — тоже одинъ изъ лучшихъ семинарскихъ учебниковъ. Нѣкоторая устарѣлость и отсталость его сужденій и немного сбивчивое изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ (то и другое, впрочемъ, въ очень малой степени) легко могли-бы быть исправлены при новыхъ изданіяхъ. Но число уроковъ въ IV классѣ, отведенное для изученія этого предмета вмѣстѣ съ исторіей философіи (3 часа въ недѣлю), чрезвычайно мало. Собственно для начальныхъ основаній философіи этого числа еще могло-бы хватить, подѣ условіемъ пропуска въ учебникѣ нѣкоторыхъ менѣе важныхъ отдѣловъ, что, впрочемъ, не особенно всетаки желательно; но изучить въ тѣ-же три недѣльныхъ часа и исторію философіи прямо невозможно. Приходится чѣмъ-нибудь, — или исторій или основаніями философіи, — въ большей или меньшей мѣрѣ

1) Характеръ этихъ работъ указанъ нами выше.

пожертвовать. Чаще успѣваютъ пройти исторію философіи и кое-что изъ основаній, а иногда и наоборотъ. Первое все-таки лучше, потому что для учениковъ знать исторію философіи гораздо важнѣе. Но нѣтъ нужды говорить, насколько прискорбны такія сокращенія курса по столь необходимымъ предметамъ. Прибавить по этимъ предметамъ никакъ не менѣе 2 уроковъ въ недѣлю — дѣло самой настоятельной надобности, съ чѣмъ, мы увѣрены, согласится всякій преподаватель философскихъ наукъ въ семинаріи ¹⁾. Если по старому уставу для преподававшагося вмѣсто этихъ двухъ предметовъ обзора философскихъ ученій назначено было 4 недѣльныхъ часа, — и этого времени едва хватало, то теперь для двухъ предметовъ менѣе 5 часовъ назначить никакъ невозможно ²⁾. Относительно программы и учебника по исторіи философіи (Страхова) необходимо сказать, что они весьма не удовлетворяютъ истиннымъ нуждамъ семинарскаго образованія. Ихъ чрезмѣрная краткость и неполнота по всѣмъ отдѣламъ, а въ особенности по отдѣлу новѣйшей философіи, въ высшей степени прискорбны. Исторія философіи непременно должна быть доведена до нашихъ дней и показать образованіе господствующихъ въ настоящее время философскихъ направленій въ главныхъ образованныхъ странахъ—Германіи, Франціи и Англии, съ присоединеніемъ характеристики и русской философіи. Безъ этого условія ея значеніе для умственнаго развитія учениковъ значительно ослабляется. Не мѣшало-бы знакомить учениковъ и съ отрывками изъ классическихъ произведеній выдающихся философовъ, хотя-бы по существующимъ на русскомъ языкѣ переводамъ. По крайней мѣрѣ, желательно, чтобы ученики прочитали нѣкоторые діалоги Пла-

1) Вопросъ, — гдѣ взять эти 2 урока, — легко можетъ быть рѣшенъ перенесеніемъ изъ IV класса какихъ-либо богословскихъ уроковъ въ другіе классы, главнымъ образомъ въ V и VI, курсъ которыхъ чрезчуръ и безъ надобности облегченъ сравнительно съ младшими классами. Такъ совершенно необходимо перенести въ V классъ основное богословіе (1 урокъ), преподаваніе котораго, безъ предварительнаго изученія философіи, представляетъ весьма большія затрудненія. Другой часъ могъ-бы быть полученъ перенесеніемъ въ V классъ одного урока литургіи или гомилетики.

2) Правда, обзоръ философскихъ ученій во многихъ отношеніяхъ замѣняетъ эти двѣ науки, — основанія и исторію философіи: но во всякомъ случаѣ объемъ послѣднихъ гораздо больше.

топа, кое-что изъ Аристотеля, Декарта, Локка, Лейбница и Юма, болѣе или менѣе значительные отрывки изъ „Критики чистаго разума“ и „Прологоменъ“ Канта. Для домашняго чтенія можно-бы было давать ученикамъ Лотце, Лянге и Милля. Недавно переведенныя на русскій языкъ прекрасныя пособія—Випдельбанда по древней и Фалькенберга по новой философіи непременно должны быть рекомендуемы лучшимъ воспитанникамъ. Какъ изученіе исторіи литературы невозможно безъ знакомства съ образцами, такъ точно и изученіе исторіи философіи. Правда, отъ семинаристовъ въ этомъ отношеніи многого требовать нельзя; но кое-что можетъ и должно быть сдѣлано.—Число учебныхъ часовъ по психологіи (3 урока въ недѣлю) намъ кажется достаточнымъ, программа—требующей нѣкоторыхъ улучшеній, а учебникъ (свящ. Гиляревскаго) — неудовлетворительнымъ. Употреблявшійся прежде учебникъ Чистовича, хотя и сильно устарѣлъ, но всетаки несравненно лучше.

Изъ недостатковъ въ семинарской постановкѣ философіи, не зависящихъ отъ устава и учебниковъ, мы укажемъ только одинъ, весьма, на нашъ взглядъ, существенный. Это—то, что ученики семинаріи, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, почти совсѣмъ не занимаются чтеніемъ философскихъ статей и книгъ и обсужденіемъ прочитаннаго какъ самостоятельно, такъ и подъ руководствомъ преподавателя. Пріохочивать къ этому учениковъ—прямая обязанность преподавателей. Усвоеніе одного учебника, безъ самостоятельнаго чтенія, никогда не воспитаетъ серьезнаго и глубокаго интереса къ предмету, а безъ этого и достигнутое развитіе не будетъ прочнымъ. Наше духовенство очень часто обвиняютъ въ томъ, что оно крайне мало читаетъ и вообще имѣетъ мало умственныхъ интересовъ. Вина въ этомъ главною своею тяжестью ложится, по нашему мнѣнію, на семинарію. Русская философская литература въ настоящее время такъ сравнительно богата, разнообразна и интересна,—по крайней мѣрѣ, для средне-образованнаго человѣка,—что жаловаться на недостатокъ подходящаго чтенія никакъ нельзя.

И. Тихомировъ.
